

МАКСИМ МЕЙСТЕР

ВИТОК КЛУБКА

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ, ТОМ 3

Максим Мейстер
Виток клубка
Серия «Максим Мейстер.
Собрание сочинений», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14343392

ISBN 978-5-4474-3751-0

Аннотация

В этом философско-приключенческом романе вы станете сразу тремя личностями. Учеником, которого мудрый учитель проведет от азов контроля ума до вершин медитации. Станете самым этим учителем, на себе ощутив всю тяжесть положения гуру, когда придется решать сложнейшие головоломные задачи, чтобы провести ученика по тонкому, словно лезвие бритвы, духовному пути. Вам даже придется побыть проституткой, которая... Сюжет закручен в тугой клубок! И, быть может, вам удастся его распутать!..

Содержание

1	5
2	26
3	42
4	47
5	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Виток клубка

Собрание сочинений, том 3

Максим Мейстер

© Максим Мейстер, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

– ...Ты должен воспринимать этот мир подобно человеку, который сидит на берегу реки и спокойно рассматривает все, что несут ее воды, – говорил Муни Бабу своему единственному ученику. Они вдвоем как раз отдыхали у берегов священной Ганги. Учитель продолжал:

– Смотри! По воде плывут щепки, ветки, даже небольшие бревна, но разве это касается меня? Я лишь наблюдаю. Множество мусора проносится рядом. Он несся выше по течению, несется и ниже, плывет и здесь, но я, неизменный, сижу на берегу, и могу наблюдать, а могу и не наблюдать...

Муни Бабу имел единственного ученика вовсе не потому, что никто, кроме Шанты, не захотел принять его своим учителем. Во все нет. Одно время к Муни приходили толпы искателей, желая, чтобы он согласился взять на себя духовное руководство над ними. Со временем толпы поредели, а потом люди вокруг и вовсе отчаялись получить посвящение у несговорчивого мудреца – Муни упорно отказывал всем. Зачастую он даже не выходил из медитации, а посетитель днями просиживал рядом, ожидая ответа на свою просьбу. Так и уходил. Однажды...

– Что же ты не слушаешь? – вдруг сердито сказал Бабу, увидев, как Шанта вздрогнул. (В это время по реке проплывал полусгоревший, полуразложившийся человеческий

труп. Обычное дело: после кремации покойника часто опускали в реку. Муни тоже заметил покойника и теперь строго смотрел на ученика).

– Как только появляется отождествление, появляется страх, появляется страдание и гнев, привязанность и любовь, ненависть и сострадание... Не отождествляй себя с мусором, плывущим по волнам жизни, будь в стороне, будь безмолвным наблюдателем... Иди и вылови эту грязь из своего сердца, – неожиданно приказал Муни, указывая на мертвеца.

Шанта побледнел, но, не смея послушаться и с трудом преодолевая в себе отвращение, полез в воду, в качестве утешения пытаясь понять скрытый смысл приказания гуру.

...Так вот, однажды к Муни, как всегда погруженному в себя, подошел юноша, почти совсем еще мальчик. Он обошел несколько раз вокруг Бабу и сел рядом в позе лотоса. Этим мальчиком и был Шанта. Одет он был в одну набедренную повязку, волосы завязаны узлом на затылке... Он выглядел бы совсем как молодой аскет, если бы не мягкая темная кожа, лоснившаяся от дорогого сандалового масла, и не предательская походка, сообщавшая о том, что юноша совсем не привык ходить босиком. Нежная кожа стоп говорила о том же. Шанта действительно был родом из довольно известной аристократической семьи...

– ...Ну, что ты там нашел? – спросил Муни, видя, что ученик внимательно разглядывает обгоревшие останки. Кости руки еще каким-то образом держались вместе, и на пальце,

бывшем пальце, что-то сверкало. Муни почувствовал еле заметное беспокойство в области сердца.

– Подожди, не трогай! – произнес он, когда Шанта решился взять блестящий предмет. Учитель поднялся и сам подошел к трупу.

– Отойди, – сказал он, снимая золотой предмет с руки мертвеца. Сейчас было очевидно, что это чуть оплавленное великолепное кольцо. Золотой обручок в виде змейки был покрыт каким-то рисунком, инкрустированным драгоценными камнями. Рисунок был наполовину скрыт клейкой тиной.

Шанта отошел, озадаченный странным поведением гуру. Муни промыл кольцо и узнал фамильный знак рода, к которому принадлежал его ученик...

Шанта был почти принцем. Его семья владела огромными площадями земель на севере княжества, причем богатства семьи превышали богатства самого князя. Но, к несчастью, отец семейства, Ананда, был бесплоден. Он брал одну жену за другой, обвиняя бедных женщин в отсутствии наследника, но со временем понял, что виноваты не жены...

Он собрал по всему княжеству лучших врачей, перекупив одного даже у самого махараджи (князя). Но они лишь увеличили его отчаяние. Выполняя многочисленные рекомендации, глотая кучи снадобий, надевая груды талисманов и камней, Ананда только похудел и сник. Тоскливо бродил он по роскошному саду, ожидая, когда толпы врачей с ним

покончат. Мать Ананды вовремя спохватилась и разогнала всех лекарей, а сына отправила в паломничество по святым местам.

Ананда посетил сотни священных мест и храмов. Везде он слезно молил местных святых о благословении получить сына-наследника. Почти никто не отказывал, прося лишь щедрое пожертвование. Ананда не скупился.

Прошел год, и паломник решил возвращаться домой. Но не в сопровождении свиты и не на паланкине, на котором Ананду везли от одного храма к другому, а пешком и в одиночку. Несмотря на множество собранных благословений, Ананда не чувствовал уверенности в том, что путешествие принесет желанный плод. Поэтому он готов был еще год потратить на путь домой, передвигаясь подобно какому-нибудь нищему страннику.

Однажды, путешествуя вверх по Ганге, уже совсем неподалеку от своих обширных владений, Ананда решил переночевать в ближайшей деревушке. Но, на его беду, в этой местности хозяйничала группа разбойников, которая уже больше года скрывалась от карающего гнева махараджи, занятого проблемами с соседним князем. Из-за близости бандитов жители деревни не горели желанием принять слишком позднего гостя: ночная охрана из вооруженных крестьян выпроводила Ананду, впрочем, не слишком грубо (единственной грубостью было то, что кто-то посоветовал попроситься ночевать к свинару, который, как и положено людям та-

кой профессии, жил за пределами деревни). Эта неприятность почти не расстроила путешественника. «Пускай! Может ночь под открытым небом добавит нужную песчинку в копилку кармы моего аскетизма», – подумал Ананда, глядя на мрак, окутавший его, темное глубокое небо и неясные тени, что просыпались иногда в свете луны. Но его решимость исчезла в тот же миг, как ухо слышало тонкий и, если не знать, что за ним последует, нежный звук... Это стаи москитов радостно жаждали познакомиться с незадачливым путешественником. «Возможно, Господь будет доволен мной, если я оставлю предрассудки, отброшу гордость и проведу ночь под одной крышей с неприкасаемым! – спустя некоторое время громко подумал Ананда и тихонько добавил: Все равно меня здесь никто не узнает...» Осторожным шагом направился он в сторону, указанную крестьянами, и вскоре, несмотря на темноту, остановился у двери одиноко стоящего дома. Постучал. Ему ответил испуганный и заспанный голос. Стараясь быть вежливым, Ананда попросил ночлега. Испуганный голос удивленно пригласил путника в дом, предложил ему стакан воды и уложил спать, закрыв москитной сеткой.

Ананде снился сын, который играл в саду. Вот он сорвал красивый цветок и побежал к отцу: «Папа, смотри, какой црюто.. фрюто... хрюто... хрю-хрю, хрю-хрю...», и мальчик постепенно стал превращаться в поросенка. Ананда в ужасе проснулся. Громкое хрюканье вокруг напомнило ему, где

он находится. «Надо скорее покинуть это нечистое место, – с неудовольствием подумал Ананда. – Прямо сейчас пойду на реку, омоюсь, и сюда больше не возвращусь». Он встал, завернулся в кусок материи, взял чистую смену одежды (чтобы после омовения облачиться во все свежее) и остальные вещи. В таком виде он выскользнул во двор, сначала желая вообще избежать встречи с хозяином, но затем, подумав, что надо хотя бы поблагодарить за ночлег, прошелся вокруг дома в его поисках. Наконец Ананду окликнул неуверенный голос:

– Дорогой гость, я здесь, в хлеву. Сейчас я вижу, что вы рода высокого, чтобы не было греха, я не на глаза ваши не покажусь. Простите, ночью принял, с испугу не понял-разобрал...

Голос что-то еще не совсем вразумительно мямлил.

– Хорошо, – с некоторой досадой перебил его Ананда. И, зашагав к реке, бросил: – Благодарю за ночлег.

– Постой! – неожиданно спохватился голос. – Там на берегу обитель большого йога. Он сидел там, когда мой дед пас свиней, когда мой отец пас свиней, когда... Не разгневайте его, лучше вниз по течению...

У Ананды что-то переменилось в сердце при этих словах, да так, что он ясно почувствовал эту перемену. Только и сумел подумать: «Вот оно!» Но, как ему и советовали, вначале отправился вниз по течению (здесь протекала священная Ганга), хотя и не с целью избежать «большого йога», а под-

готовиться к встрече с ним.

Совершив по всем правилам омовение, Ананда оделся в белые одежды паломника и в который раз попытался снять кольцо с фамильным гербом с пальца (это украшение не вязалось со скромным одеянием странника и было причиной того, что разнообразные нищие по всей стране особенно настойчиво добивались милостыни). Попытка опять закончилась неудачей: Ананда слишком долго носил украшение – палец вырос, а золотой обручок остался прежним.

Ананда глянул в сторону горизонта. Было раннее утро, но солнце уже начинало усердно подогревать своих подданных. Пока еще теплые после ночной прохлады лучи приятно щекотали кожу, и именно сейчас стоило отправляться в путь (Ананда так и путешествовал: утром и вечером двигался, а днем оставался там, где заставало жгучее солнце, где-нибудь под крышей храма или ашрама). Но, глядя на безоблачное небо, Ананда, вместо того чтобы немедленно зашагать вдоль дороги, расположился у воды, намереваясь ждать полудня. «Сейчас святой занят молитвами и медитацией, – ведь нет лучшего времени для этого, чем раннее утро, – и мне подходить к нему сразу – только гневать, – думал он. – А как солнце разойдется в полную силу, мудрец прервет занятия и уделит внимания мне». Ананда смотрел то на небо, то на спокойно текущие воды великой реки, и впервые за все время долгих странствий ему стало так спокойно, что подумалось: «А зачем мне, вообще говоря, сын? Может,

лучше просто сидеть здесь, на берегу Матери-Ганги, забыв обо всех заботах и проблемах. И счастье мне...» Все тревоги покинули сердце Ананды, и он уснул...

Прохлада, идущая с реки, позволила спать несколько дольше, чем следовало бы. Ананде даже снова пришлось делать омовение, так как он проспал гораздо больше, чем два часа. Освеженный, Ананда, высыхая прямо на ходу, отправился вверх по течению, справедливо полагая, что в это время дня йог должен отдыхать.

На самом берегу реки сохранилась еще какая-то зелень, но совсем рядом, чуть дальше от воды, начинались просторы выжженной травы. «Вот так и мы – как только отворачиваемся от Господа, который питает всех, тут же высыхаем и становимся ломкими и мертвыми. Но разве виновата в этом река?» – подумал Ананда, вглядываясь вперед. Наконец, он заметил одинокую неподвижную фигуру. Подобно каменному изваянию, человек сидел неподвижно. Именно как изваяние! Потому что даже следов дыхания не было заметно на теле йога. Он сидел под хорошим раскидистым деревом, которое, скорее всего, защищало от солнца большую часть дня. Но не сейчас. Полностью открытый полуденным лучам, мудрец сидел, погруженный в себя, неподвижный, как мертвец. Ананда издали поклонился и, почтительно сложив руки, осторожно подошел. Его приход не вызвал никакой реакции. Ананда нерешительно остановился неподалеку от йога и, не зная, что делать, стал осматриваться. Первым делом

незаметно оглядел мудреца.

Муни Бабу (а это был именно он) сидел в позе лотоса, полуприкрыв глаза и остановив дыхание. Ананда заметил, что кожа святого была светлой, как будто ежедневные солнечные ванны никак на него не влияли.

Ананда немного опасался в открытую разглядывать могущественного йога, поэтому стал оглядываться вокруг.

В этом месте Ганга чуть-чуть повернула, образуя небольшой залив со спокойной водой. Место было удобное. С одной стороны, вверх по течению, гладь воды закрывал покрытый травой холм, а с другой стороны река тоже была не видна, потому что уходила в сторону. Поэтому обитель мудреца находилась как будто в низине у озера. А позади росло большое дерево... За ним, в отдалении и чуть сбоку находилась ферма, с которой пришел Ананда, а еще ниже по течению от фермы – деревушка, в которую его не пустили ночью.

Ананда осмотрел все окрестности. Снова глянул на йога и, не зная, что делать, присел неподалеку. «Он относится наверно к тем святым, что выходят из медитации раз-два в месяц, если не реже, – растерянно подумал Ананда. – На теле не видно и следов дыхания. Он, может, не ест годами... Что делать?..» Посидев еще немного времени, Ананда тихонько и робко сказал:

– Господин?..

Никакой реакции со стороны йога, но сам Ананда испугался собственной смелости: «Еще этого не хватало! Мешать

медитации! Да он очнется, и я получу такого „сына“, что жизнью так десяток из ада не вылезу! Лучше идти отсюда, забыть все, и помереть как животное, без наследника... И тоже в ад отправиться? Если не будет сына, кто совершит шрадху?.. Кто совершит поминальный обряд? Пока совершается шрадха, предки могут спокойно жить в раю! А если ее никому будет совершать?..»

Последняя мысль остановила Ананду, когда он уже собирался уносить ноги. И он снова в нерешительности присел неподалеку от неподвижной фигуры Муни. Прошло еще какое-то время, и Ананда не выдержал. Он искренне взмолился: «О Господи! Что же мне делать?!» И в отчаянии стал оглядываться вокруг. И вдруг он заметил одну интересную деталь: йог по-прежнему сидел прямо под лучами открытого солнца (на небе – ни облачка), тогда как сам Ананда прятался в тени дерева. Тут-то его и осенило! Он встал, скинул с себя верхнюю одежду, намочил ее в реке, выжал и, встав позади йога, голой спиной к солнцу, растянул рубашку над мудрецом, как зонт.

Шло время. Ананда чувствовал, как кожа на его спине начинает пузыриться, а в голове мутиться. Вялая мысль пронеслась: «Буду стоять и так умру. Это благочестивая смерть, смерть в служении святому. Высшие планеты обеспечены...» Ананда начал терять сознание, тщетно пытаясь удержать вытянутые руки с давно высохшей рубашкой. Он уже падал, когда вдруг – и не просто «вдруг», а очень вдруг –

голова его стала свежей и ясной, а тело наполнилось силами.

– Что тебе нужно? – раздался где-то внутри Ананды умиротворяющий голос.

– Ты величайший святой, ты все знаешь... – сказал Ананда и пал перед мудрецом на колени.

– Да. Тебе нужен сын. Но мне трудно поверить, что из-за такой глупости, ты готов потратить годы в бесплодных странствиях и даже пожертвовать собственным телом, к которому все вы так привязаны.

– Но дхарма, долг, обязывает семейного человека иметь сына, чтобы традиция не прерывалась и чтобы обряд шрадхи продолжался вечно. Ведь если не будет наследника, мой род прервется, и мои предки, и я – все мы упадем на низшие планеты в соответствии со своей кармой. А ведь семейному человеку трудно жить так, чтобы не иметь дурной кармы. Невозможно это для домохозяина...

– Но тот же закон кармы говорит мне, что в этой жизни у тебя не будет сына. Что же ты хочешь? Чтобы законы вселенной отступили перед твоим желанием?

– Да! – Ананда сам не ожидал от себя такой дерзости.

– Хм! – Муни улыбнулся, а потом спокойно согласился: – Пусть будет так. Но при одном условии...

Не веря тому, что услышал, Ананда выкрикнул:

– Все что угодно!..

Он привык: желания почти всех встреченных до этого «святых» редко выходили за рамки золотого запаса его каз-

ны.

– Условие таково: когда сын подрастет, ты отдашь его мне в ученики...

– Но... – такого поворота событий Ананда не ожидал совсем.

– Ко мне часто приходят с просьбой стать их учителем, но у меня из жизни в жизнь только один возлюбленный ученик. Только один. Сейчас он задержался на другой планете, оплакивая смерть моего тогдашнего тела. Я уже давно жду. Настало время ему появиться здесь, на Земле. Пусть же он родится в твоей семье. Как только он подрастет, ты отправишь его ко мне, и я буду давать ему наставления, как и прежде, а он, как и прежде, будет служить своему гуру... Для абсолюта не существует времени. Ибо преходящи только тела, а суть неизменна.

– Как скажете, господин, – смиренно произнес Ананда. – Но...

– Я знаю твое беспокойство. Твой сын не будет монахом. В свое время он даст тебе внука.

– О! – Ананда вновь был счастлив. – Что я могу сделать для вас, господин?

– Что может дать нищий царю?.. Возвращайся домой. Но помни: никому не рассказывай, как ты получил сына. Мне и без того хватает ненужных посетителей...

После этих слов снова наступила неподвижная тишина плещущей воды.

Ананда поклонился, убедился, что солнце больше не беспокоит мудреца (на него наконец сдвинулась тень дерева), набросил на плечи рубашку и с легким сердцем зашагал прочь, не чувствуя даже малейшей боли от сожженной спины.

...Муни сразу понял, что кольцо принадлежало отцу Шанты. Ананда так и не смог передать фамильный символ своему сыну, чтобы тот передал своему... «Что ж, это сделаю я», – подумал Бабу и завернул кольцо в край набедренной повязки.

– Это место осквернено присутствием мертвеца, – сказал он, столкнув труп обратно в воду. – Поэтому омойся и принеси из деревни коровьего навозу. Все очисти здесь. Я пойду выше, за холм, пока это место не освободится от скверны.

– Хорошо, учитель, – сказал Шанта и отправился выполнять указание.

– Когда закончишь, можешь идти собирать милостыню. – Муни тоже встал и степенно направился вверх по холму, думая, как ему выполнить обещание, данное Ананде. Он обещал, что род богатого землевладельца не прервется, и в свое время Шанта женится и тем самым продолжит род. Муни не хотел отпускать Шанту от себя. Он хорошо служил своему гуру, и Муни привязался к ученику. Тем более связь между ними не прерывалась уже много жизней. Бабу было неприятно думать о своем обещании и необходимости женить уче-

ника. Эти мысли беспокоили ум, что для йога совершенно недопустимо. Поэтому Муни усилием воли изгнал беспокойные мысли, опять сосредотачиваясь на объекте своей медитации.

Йог спустился с другой стороны холма и омылся (он тоже был осквернен прикосновением к мертвецу). Потом выбрал подходящее благочестивое дерево и расположился под ним, стремясь скорее усилить свою медитацию, которая становилась не такой интенсивной, когда приходилось заниматься отвлекающими действиями вроде ходьбы или купания в реке.

Тем временем Шанта быстро снял со своего тела осквернение с помощью священной воды Ганги, взял емкость, с которой он ходил за подаянием, и направился в деревню выполнять указание гуру.

Идти до деревни было не слишком далеко, но и нельзя было сказать, что деревня – рядом. До нее было бы гораздо ближе, выбери Муни для себя место чуть ниже по Ганге. Но Шанта привык к ежедневным прогулкам по едва видной, протоптанной только им тропинке, блуждающей в пожухшей траве среди множества деревьев. Жители деревни не пользовались этим путем, потому что ходили к реке гораздо ниже по течению. Шанта же сам выбрал не самый близкий путь до деревни – через лес (можно было сберечь время, просто идя по берегу) – потому, что пока он не видел особого вкуса в пассивной медитации, которой его учил Муни Бабу. Шанте

гораздо интересней были прогулки по лесу, где можно поглазеть на столько интересных вещей. Когда же он медитировал, то чаще всего просто засыпал, и ему было скучно. Муни хотя и ругал ученика за это, но не так сильно, как за другие, менее значительные провинности. Учитель понимал: нельзя требовать от подопечного того, что пока недоступно для него. Но зато можно и нужно наказывать ученика за ошибки, которые тот уже способен не совершать.

Тропинку Шанта проложил через свиноферму. Его забавляла и немножко интересовала жизнь этих отверженных. Часто Шанта останавливался у ограждения, забираясь на дерево и заглядывая во двор. Густая листва хорошо защищала, и он спокойно мог наблюдать за работой свинаря и его семейства.

Хотя Шанта был уже юношей, он часто вел себя как ребенок. Все детство прожив во дворце отца, он затем сразу был отдан на воспитание суровому йогу. Не то что бы Шанте не нравился его учитель, но... Упражнения йоги были пока слишком сложны для молодого человека. Потому-то Шанта частенько задерживался в деревне, играя с подростками, среди которых имел авторитет. Еще бы! Единственный ученик «большого йога». Иногда Шанта задерживался и в лесу. Ему часто доставалось от гуру, когда за игрой или за бездельем Шанта забывал о своих обязанностях.

Жители деревни хорошо относились к «молодому йогу», ведь он, играя с их детьми, рассказывал им все, что узнавал

от учителя. А то, что Шанта каждый день приходил за едой... Любая, даже самая бедная семья, была рада, когда Шанта стучал в двери их дома.

Раньше, когда Муни еще был один, жители деревни каждый день приносили ему немного риса с овощами или фруктами. Но йог почти никогда не прикасался к пище (просто он в ней не нуждался), чем сильно расстраивал крестьян. Когда же появился молодой ученик... Тогда и самому учителю пришлось есть больше, ведь теперь он не мог постоянно находиться в медитации, вдыхая и выдыхая воздух один раз в день. Теперь надо было заботиться об ученике, давать наставления... Но главное: молодое тело Шанты никак не хотело удовлетворяться одной горстью риса в день. Жители деревни были довольны: они могли смело говорить, что у них есть собственный настоящий святой, которого они по-настоящему кормят. А иметь собственного настоящего святого – очень почетно и выгодно. Ведь его духовная сила защищала от разных невзгод. Поэтому Шанта, когда приходил за едой для своего гуру (и для себя), получал все, что мог только пожелать. И лишь благодаря строгим правилам, – перед тем, как что-нибудь съесть, ученик должен сначала обязательно предложить это гуру и затем довольствоваться остатками, – Шанта не превратился в толстого откормленного разгильдяя. Иногда он приносил Муни столько разнообразной пищи, что ее хватило бы человек на пять, рассчитывая наесться до отвала после того, как учитель съест свою обычную горсть

риса. Но Муни каждый раз, особенно если замечал на блюде различные жарености и сладости, выбрасывал лишнее в реку, оставляя только простой рис, простые тушеные овощи, немножко фруктов... Одним словом, Шанта считал себя постоянно голодным, но правил не нарушал – никогда не ел в одиночку, без гуру. Ни в деревне, ни даже в лесу, вдалеке от посторонних глаз.

...Тропинка вышла из леса и повела обратно к Ганге, плутая между рисовыми полями. Скоро Шанта достиг окраины деревни, где пастух следил за большим стадом коров. Пастух, увидев юношу, поздоровался, сложил руки в приветственном жесте.

– Освобождения тебе, Горакша! – ответил Шанта, подойдя ближе. – Мне нужен свежий навоз.

И Шанта направился к ближайшей группе коров.

– Господин готовит какое-то жертвоприношение? – почтительно спросил Горакша, задав вопрос так, что было непонятно, какого «господина» он имеет в виду. Это понравилось Шанте, который еще далеко не был свободен от тщеславия.

– Да, *мой* господин часто совершает жертвоприношения для блага всех людей. Но сегодня нам просто надо очистить место. К берегу прибило покойника. Кто-то опять пожалел дров, и тело сгорело не полностью... Сейчас придется вычищать весь берег. Да и вообще дня три пройдет, пока все осквернение уйдет. Так что ко мне лучше не прикасайся.

Во время разговора Шанта переходил от зада одной коровы к задку другой, выжидая момент. Вся хитрость заключалась в том, что надо было поймать лепешку на лету, пока она не шлепнулась на землю. Вот Шанта и ходил с блюдом, подставляя его то там, то здесь, успевая еще и уворачиваться от бойких коровьих хвостов. Сами коровы не интересовались вниманием к их задней части. И не протестовали тоже. Просто привыкли. Навоз нужен был во многих случаях. И если крестьяне довольствовались обычным, «выпавшим», то Муни требовал только «высококачественного», прямо из-под хвоста.

Горакша хотел что-то сказать, но остановился на полуслове. Он оказался сообразительней Шанты и в уме быстро просчитал, из каких селений мог приплыть труп. А так как осведомленность жителей деревни в мирских делах была лучше, чем у молодого монаха, пастух сразу вспомнил, как сосед говорил ему о смерти очень богатого человека из поместья... Одним словом, разумный Горакша почуял, что мертвец – это бывшее тело отца Шанты.

– Что ты сказал? – откликнулся Шанта, увлеченный игрой. – Ах, ты! Уже три-ноль в вашу пользу! – возбужденно выкрикнул он, когда очередная лепешка бухнулась на землю мимо блюда, которое он опоздал подставить на какую-то долю мгновения.

– Да нет, ничего... – Горакша грустно следил за соревнованием. Он думал, что хорошо, конечно, быть учеником ве-

ликого йога, но не присутствовать на смерти собственного отца, не зажечь его погребальный костер...

– Ага! Три-один!

Через какое-то время Шанта набрал нужное количество навоза и пошел по своей тропинке обратно, сказав Горакше.

– Еще увидимся. Я за едой скоро пойду.

Выполнив необходимые процедуры на берегу, Шанта взобрался на холм. Посмотреть, чем занят Муни. «Хорошо, – подумал он, видя, что учитель неподвижно сидит под деревом. – Господин в глубоком самадхи, можно подольше задержаться в деревне». И Шанта легким шагом направился обратно, сунув под мышку то же блюдо.

Муни знал о своем ученике все. Каждое воплощение с ним были одни и те же проблемы. Муни иногда размышлял, почему духовный прогресс его ученика идет так медленно. Вот уже десяток жизней ему никак не удастся развить вкус к медитации. «Все бы ему развлекаться да за девками бегать, – с досадой думал Муни, вспоминая некоторые предыдущие рождения Шанты. – Может, просто виновато молодое тело?.. Интересно, быть может, в следующий раз попробовать родиться так, чтобы он был старше меня?» Мысль казалась увлекательной, но дикой, поэтому Муни не стал ее развивать. «На самом деле мое собственное развитие тоже замедлилось. У меня даже создается впечатление, что я уже несколько жизней топчусь на месте... Виноват здесь не толь-

ко мой ученик, на обучение которого приходится тратить время, но и я сам – что-то я делаю не так. Может, в моей духовной практике какой-то изъян? Но разве может быть не прав великий Шанкара?» Мысль о том, что имперсональная медитация несовершенна, выводила из себя даже такого закаленного йога, как Муни Бабу. «В конце концов, я не Шанкара и не могу ожидать, что моя практика даст результаты в течение каких-нибудь двух-трех жизней. К тому же я отвечаю за судьбу моего подопечного, моего ученика, которого я также должен освободить от цепей кармы, вырвать из водоворота самсары!»

Впрочем, все было не так плохо, как думал Муни. Случались у него и весьма успешные периоды медитации, когда он получал очень глубокие впечатления. Например, недавно ему почти удалось на мгновение слиться с брахмаджьоти, светящейся безличной сущностью. Это было так удивительно, что йог долго не мог прийти в себя. Удивительное состояние отсутствия заворожило его. Муни хотел вновь и вновь ощущать неосязаемое. Он с удвоенными силами погрузился в самадхи почти на два месяца, но излишнее волнение помешало ему достичь желаемого состояния. Муни вышел из медитации, чем несказанно обрадовал ученика, который уже оставил надежды на возвращение гуру.

Но потом, когда досада от неудачи прошла, в йоге проснулась гордость: «Все-таки я достиг! А дальше – дело техники...». Но «техники», видимо, не хватало. Отсюда и проис-

текало недовольство Муни собственным духовным прогрессом и выбранной практикой.

Вот и сегодня беспокойство, связанное со смертью отца Шанты и судьбой ученика, выводило ум йога из равновесия...

2

Шанта возвращался в деревню. Он не знал, что сделать в первую очередь: поразвлечься с друзьями или сначала собрать пожертвования для гуру. Шанта даже остановился посреди дороги, раздумывая как ему поступить. Он прислушался к себе и понял, что очень голоден. «Ну ладно», – решил он и весело пошел дальше, напевая любимые молитвы на мотив популярных деревенских песенок. Получалось забавно, хоть и на грани оскорбления.

Проходя мимо свинофермы, Шанта услышал дикий визг и с интересом забрался на свой наблюдательный пункт. Фермер резал свинью. Она вырывалась и визжала: не хотела умирать. Шанта с отвращением и удивлением смотрел на эту картину. «Неужели этот человек так глуп? Он даже, наверное, не понимает, что делает! – Шанта был взволнован. – Ведь с ним будут делать то же самое! Как можно не понимать – даже я понимаю, что любое действие откликнется с той же силой... Неужели он не понимает: страдания этой свиньи никуда не денутся, они не могут просто исчезнуть, они должны быть компенсированы, иначе нарушится порядок во Вселенной, как говорил мне учитель. Все должно быть уравновешено. И страдания этого существа, его страх, его агония, должны будут проявиться в страданиях, страхе и агонии того, кто стал их причиной. Причина созда-

ет следствие, а следствие несет в себе причину следующих действий. И этот круг необычайно сложно порвать. Но если нельзя порвать, зачем порождать следствия своими сегодняшними действиями, ведь эти следствия будут причиной следующих следствий... И если не возможно порвать... то надо действовать так, чтобы следствия были приятны и порождали причины, создающие приятные или нейтральные следствия?.. – Шанта запутался в своих мыслях, в которых были перемешаны наставления гуру и собственные измышления. – Но если у этого несчастного свинаря прошлая причина была в том, что сейчас он должен заниматься деятельностью, которая станет причиной его дальнейших мучений? Ведь он не может нарушить следствия, которые *уже* проявились в его теперешней деятельности, он должен их компенсировать. И при этом он создает следствия, которые в дальнейшем будут причиной его следующей деятельности. Он уже не может создавать благоприятные причины, он *должен* действовать так, что следствия его теперешней деятельности будут ужасными. И не может он действовать сейчас так, чтобы в будущем не страдать, потому что теперешняя деятельность зависит от прошлых причин, она просто следствие. Но когда-то ведь эта цепочка началась?»

Шанта так погрузился в размышления, что у него разболелась голова, и он чуть не свалился с дерева.

«Надо будет спросить учителя...», – решил он, спрыгивая вниз. Еще некоторое время отвратительная картина убий-

ства мешала ему наслаждаться прогулкой, но вскоре Шанта избавился от неприятных переживаний и снова стал напевать, хотя теперь только грустные мелодии принимались сердцем. Муни часто учил своего ученика не обращать внимания на перипетии жизни. «Ведь это всего лишь иллюзия, – говорил он. – Стоит понять принцип, и она рассеется, цепочка кармы, самсара, прервется, и ты будешь свободен. Свободен и абсолютен, потому что ты и есть Абсолют». Все это Шанта легко усваивал, ведь он обучался уже не одну жизнь. Хотя что-то все-таки его не устраивало во всей этой философии... Он не понимал что. И успокаивал себя мыслями о то, что, конце концов, он просто служит гуру, который позаботится о нем. И такое положение Шанту в общем-то устраивало. Особенно если сравнивать его с положением того же свинаря или даже с положением самого благополучного жителя деревни... «Или даже князя, – размышлял Шанта. – Да и моего отца, который не самый несчастный человек на свете. Но теперь я бы не вернулся домой во дворец. Что я там потерял? Ни за что бы не променял свою набедренную повязку на все богатства моего отца!.. А когда он меня отправлял к Учителю, как я плакал и молил оставить... Ха! Ну и дурак же был!»

Шаг все ускорялся, и вскоре даже грустное настроение покинуло Шанту. Действительно, когда думаешь, что тебе повезло в жизни гораздо больше, чем другим, на душе становится легче. Вернее, на уме... В этом отношении Шанта

недалеко ушел от обыкновенного материалиста.

Опять проходя поля и встретив пастуха («Вот и снова я, Горакша!»), Шанта вступил на главную улицу деревни Каматакша.

– Молодой господин! – окрикнули его в первом же доме. – Не проходите мимо. Сегодня такие замечательные пакоры получились!

При этих словах в животе Шанты заурчало (очень уж он любил жареные пакоры), но ему пришлось сказать:

– Нет, йог не должен услаждать язык!

А сам подумал: «Все равно гуру выбросит!»

На самом деле Шанта просто не хотел заходить ни в этот, ни в другой дом, куда его приглашали. Он стремился в один определенный дом, который посещался им последнее время столь часто, что кое-кто уже догадывался почему.

Шанта остановился у знакомых ворот. Задумался: «Интересно, сегодня тоже выйдет она?» Он не мог заходить сам и ждал, что кто-нибудь из хозяев заметит гостя.

Здесь жила обычная, довольно зажиточная и традиционно большая семья. Хозяин с одной женой и семеро детей. В доме также жила молодая служанка, сирота, взятая в дом больше из милости, чем по необходимости. Хозяин дома относился к ней как к члену семьи, но говорил, что, «мол, если найдется жених, то мы с женой заместо отца с матерью свадьбу справим, но приданое я не дам... Не могу! У меня родных дочек шесть штук! А вместо приданого пусть будет твоя

красота». Девушка выросла и правда на редкость привлекательной. Фигура, лицо... Все было удивительно четких линий, а непоседливый, бойкий нрав, хоть и не считался большим достоинством, почему-то привлекал молодых людей. Но женихи не ломались толпой. Приданого не было, а красоту в карман не положишь. Да она к тому же имеет неприятное свойство исчезать с годами, тогда как капитал, наоборот, с годами растет... Не нашлось ни одного отца, готового отдать сына за бесприданницу, да еще и сироту.

Время шло, Мохини росла. Уже давно прошел наиболее подходящий для невесты возраст. Она стала задумываться о дальнейшей судьбе. Раздумья были тяжелы, а выбор – небогатым. Наконец она решилась (а хозяин одобрил выбор) стать куртизанкой и таким образом превратить свою красоту в капитал, который помог бы ей в будущем спокойно прожить старость. На заработки она ездила раза два в неделю. Благо, до ближайшего города было недалеко. Профессия Мохини уважения в деревне не прибавляла, но и не вызывала такого отчуждения, как профессия мясника или сборщика налогов. Большинство ее понимали, хотя и думали, что на ее месте выбрали бы смерть. Но хорошо так рассуждать, находясь на *другом* месте...

Шанте Мохини нравилась. Не то чтобы он нарушал какие-то обеты, до этого дело не доходило. Разве что в уме...

Он любил, чтобы подаяние выносила именно она. Сам же Шанта не мог не нравиться девушке. Он тоже был красив,

но его красота была другого свойства. Красота монаха, чистая красота. Когда юноша ведет отреченный образ жизни, он обретает какую-то особую потенцию, своего рода свечение, исходящее от всего тела, и особенно от лица. Кожа Шанты была гладкая, загорелая. Он почти всегда носил только одну набедренную повязку. Глаза его были подвижны и, когда он разговаривал, будто бы искрились.

Красота же Мохини была обычной, просто телесной, той, которая уходит с годами.

Мохини всегда с радостью выносила Шанте пожертвование в виде простого риса и фруктов (хозяин знал о строгостях Муни), отнимая эту почетную обязанность у хозяйских дочек, которые жаловались отцу, но тот почему-то лишь посмеивался в ответ.

Она не имела никаких видов на Шанту (слишком уж велика была разница: она – сирота, торгующая собственным телом, а он – ученик известного святого и наследник богатейшего рода), но все равно кокетничала с ним. Скорее, просто по привычке.

Наконец Шанту заметили.

– Молодой господин! – раздался звонкий голос Мохини. – Вы сегодня рано. Я даже не успела надеть самое лучшее платье...

Шанта покраснел и ничего не ответил.

– Подождите немного. – Мохини выбежала из дома. Шут-

ливо, нарушая приличия, выхватила у Шанты блюдо для подаяния и вновь скрылась, развеваясь легким и свободным сари.

Прошло немного времени (Шанте показалось, что целый час), и Мохини выскользнула вновь, держа наполненную отборными фруктами посудину.

– Мы пока ничего еще с утра не готовили. Не гневайтесь. Примите фрукты?..

– М-мм...

– Очень хорошие. Я сама отбирала.

Шанта взял блюдо. Он не отрываясь смотрел на девушку.

– Какой вы хорошенький, – вдруг сказала она и, смеясь, убежала в дом.

Шанта, оглушенный, пошел прочь. «Какое идиотское чувство! – думал он. – Почему какая-то глупость, сказанная одним человеком, воспринимается как глупость, а сказанная другим – будто ударяет мешком с мукой по голове?.. Самое смешное, наверное, я и в прошлых жизнях был дураком. Надо будет спросить учителя...»

Одними фруктами молодому человеку насытиться трудно, поэтому Шанта по дороге к тихому ашраму-под-деревом заглянул еще в несколько домов, собрав традиционного риса и немного тушеных баклажанов.

Шанта быстро возвращался, но не по своей тропинке, а по берегу реки – так он проголодался! Сегодня он уже много всего сделал: утром испытал потрясение при встрече

с мертвецом, затем бегал за навозом, таскал его на себе, убирался на берегу, неоднократно купался, наблюдал за убиением свиньи, теперь вот сходил за едой... Шанта устал и проголодался. Ему не терпелось накормить гуру и поесть самому. Оставалось надеяться, что учитель не в глубокой медитации, и Шанте не придется голодать до вечера, а потом идти за свежей пищей.

Когда Шанта дошел до берега, к его большому облегчению Муни принимал дневное омовение, собираясь пообедать.

– А, вот и ты, – почему-то насмешливо сказал он. Казалось, будто йог прочитал на лице ученика все, что с ним произошло, и все его желания, что успели пронестись в молодом уме за целый день.

Муни сел под деревом.

Шанта почтительно протянул ему пальмовый лист, на который положил всего понемногу: риса, баклажанов, по одному фрукту каждого вида. Затем присел рядом, держа блюдо с остальной пищей и ожидая, не попросит ли гуру добавки.

Муни положил перед собой пальмовый лист и, сосредотачиваясь на Высшем, прочитал необходимые молитвы. Затем, смешивая рис с овощами, стал небольшими порциями отправлять пищу в рот, захватывая ее большим, средним и безымянным пальцами. («Есть нужно обязательно руками, – как-то объяснял Муни ученику. – Особенно еду, приятную на ощупь. Тогда чувство кожного осязания помога-

ет правильному пищеварению и усвоению пищи. Кроме того, те, кого это интересует, могут получить больше удовольствия от самого процесса».)

Жевал Муни очень медленно – у Шанты уже половина внутренностей наполнилась желудочным соком! Наконец гуру отодвинул «тарелку», оставив на ней все фрукты и почти весь рис. Он прополоскал рот (Шанта, как только увидел, что гуру закончил прием пищи, принес воды) и вымыл руки и ноги.

Шанта набросился на еду, в первую очередь жадно собрав остатки с пальмового листа. Муни смотрел одобрительно. Но когда с тем же рвением ученик набросился на остальную пищу (тоже выложенную с блюда на два пальмовых листа), гуру прикрикнул:

– Ты куда-то торопишься? Немедленно прекрати глотать не жуя! Сколько раз повторять: ты съедаешь не то, что проглатываешь, а то, что усваиваешь! Многие думают – йог высушенное голодное создание, но это не так – мы просто правильно едим. Каждый кусок пищи содержит миллионы молекул праны, жизненной энергии, подобно тому, как воздух пронизан молекулами кислорода. И подобно тому, как кислород усваивается при тонком соприкосновении с капиллярами, так и прана из воды или пищи усваивается через нервные окончания зубов и языка. Необходимо тщательно обрабатывать каждый кусок пищи, подолгу держа его во рту. Вначале усердно пережевать... Выполняй! – Шанта стал медлен-

но двигать челюстями. – Пока для них не останется работы. Затем, действуя языком, пропитывай каждый атом пищи слюной. Вот теперь начинается усвоение праны из пищи. Чувствуешь особый вкус такой простой пищи? Пока в пище остается хоть малая доля вкуса, там есть прана. Твоя задача получить ее.

Даже если не думать о важности пранического извлечения, все равно важно правильно съедать то, что посылается нам. Правильно пережеванная и пропитанная слюной пища усваивается гораздо лучше, чем те комки, которые ты стремишься набросать в себя. Что в них толку? Они забьют желудок, но, недостаточно обработанные, выйдут из него, лишь частично отдавая свою энергию телу. Я же усваиваю целиком почти все, что съедаю. Поэтому доволен горстью риса, а тебе мало целого блюда! Неужели ты думаешь, что духовная жизнь – это обжорство или голод? Или духовная практика означает забыть о теле? Нет! Забота о теле важна. Но не как о себе, а как об инструменте. Подобно тому, как мы кормим свою лошадь или смазываем колеса у телеги не для того, чтобы получить удовольствие, а для того, чтобы ездить...

...И даже если забыть о пране и заботе о теле, подумай, какое можно извлечь удовольствие из правильного питания! Именно *питания*, а не заглатывания. Даже из самой простой пищи можно извлечь совершенно особый вкус, несравнимый со вкусом просто набитого живота. Можно наслаждаться каждой рисинкой, перекачивая ее во рту и выделяя ее

сущность (в конце концов, и она – часть Целого). После такого питания пропадает всякое желание есть некачественную, пережаренную или слишком острую пищу. Язык удовлетворяется сам по себе, без стимуляторов.

Шанта прекрасно знал все правила питания. И часто внимательно следовал им. В такие дни ему тоже хватало небольшой порции, и он чувствовал себя гораздо лучше – не наступало того сонного, вялого состояния, присущего плотному обеду. Но иногда Шанта забывал обо всех наставлениях и набрасывался на еду, глотая все подряд.

Шанта поел, убрал за собой, все вымыл и сбрызнул место, где сидел. Теперь они должны были заняться медитацией. Муни уселся в удобной позе лотоса, приглашая последовать своему примеру ученика.

– Учитель, можно я задам вопрос.

Гуру кивнул.

– Сегодня я проходил мимо жилища свинаря и заглянул к нему во двор... Нет-нет, просто оттуда раздавались такие крики, что я не удержался, – поспешно добавил Шанта, заметив удивленный взгляд Муни. – Я заглянул... Почему он занимается такой ужасной деятельностью? Я понимаю, что он должен это делать по карме, но ведь эта карма тоже должна была образоваться, у нее тоже должны быть свои причины, и эти причины – лишь следствие других причин, созданных ранее следствиями еще более ранних причин... И так до бесконечности. Но где же начало, и если оно есть, то по-

чему оно разное у всех людей? Почему не все свинари или не все цари? Или мудрецы?..

Муни задумался. В наступившей тишине отчетливо слышались крики птиц из близкого леса, шелест листвы и плеск воды.

– ...Или не все птицы или звери?.. – продолжил учитель. Он сосредоточился, пытаясь создать внутри себя ответ в доступной для ученика форме. – Не так просто ответить на твой вопрос. Многие тысячелетия различные мудрецы бьются над этой загадкой. И давно решена она. Но решается снова и снова, ибо ответ и полный ответ – как свет лампы и свет солнца: и то и другое свет, но разве можно назвать их равными друг другу? Ты хочешь полный ответ? Его тебе не дам, но отвечу так, чтобы ты был доволен.

Итак, я объяснял уже, что весь этот мир – не существует. Нет ни птиц, ни животных, ни свинарей, ни царей. Все это ложные отождествления Абсолюта, Единой Сущности. И отождествления эти реальны до той степени, до какой мы их принимаем. Но принимаем их также не мы (подобно тому, как не являемся ими). Вот здесь и кроется ответ. В этом иллюзорном мире есть один враг. Он могуч, изменчив, непоседлив и неустойчив. Этот враг, будучи приручен, может стать лучшим и вернейшим другом. Но мало кому это удастся... Подобно дикому и опасному зверю, он не подчиняется никому и ничему, но, будучи усмирённым, верно служит своему хозяину. Но, в отличие от зверя, этот враг никогда

не успокаивается, и даже будучи прирученным, всегда думает, как бы убежать и вновь заняться своей разрушительной деятельностью. Самое ужасное: этот враг внутри нас...

– Это ум? – Шанта прекрасно понимал, о чем идет речь. Ведь одна из главных задач йога – усмирение ума. И Шанта на собственном опыте убедился, насколько это сложная задача. Именно покорению ума посвящались многие часы ежедневных занятий. – Но почему же все по-разному находятся в иллюзии этого мира? Кто-то думает, что он богач, а кто-то, что он нищий, кто-то мнит себя воплощенной добродетелью, а кому-то суждено быть проституткой? Ведь ум, хоть это и враг, просто инструмент, непослушный инструмент, которым надо просто научиться пользоваться.

– Ты не дослушал! – Муни сурово наморщил лоб и приподнял брови. – Именно ум является причиной погружения в иллюзию. А погружаясь в нее, мы начинаем играть различные роли, в соответствии с тем, что нашептывает нам наш собственный ум. Он играет образами, а мы в соответствии с ними принимаем те или иные обличья. Но любые действия в этом мире приносят свои плоды. Действия, дающие удовольствие уму сейчас, могут принести очень горькие плоды в будущем, а могут принести и сладкие. И действия, отвратительные теперь, могут дать радость в будущем, но могут и не дать. Но и сладость, и горечь эта – лишь для ума, она не касается *тебя*. Неужели ты до сих пор не знаешь ответа на свой вопрос?

– Мне кажется, я начинаю понимать, но как же получается, что в основном люди все глубже погружаются в иллюзию, а не освобождаются от нее? Ведь они действуют и видят результат своих действий. И почему обычно что-то приятное уму приносит горькие плоды, а что-то горькое – сладкие? И очень редко по-другому?

– Ощущение сладости и горечи – иллюзорно, но при этом и противоречиво, эти понятия считаются стоящими с двух сторон, а не параллельно. Мир устроен так, что человек и его ум ставят себя в центр мироздания, поэтому все, что благоприятно для тела и ума (а не для тебя самого), считается сладостью, а все, что неприятно и неприемлемо для тела и ума, считается горечью. Тело и ум связаны. Ум через чувства взаимодействует с объектами чувств и оценивает: «Это хорошо, а то плохо», но почти все люди устроены одинаково, и все они считают благоприятным одно и то же. Отсюда возникает противоречие: все хотят одного. И даже если в мире всего хватает, ум человека склонен потреблять больше, чем необходимо его телу. В этом отличие ума человека от ума животных. Помнишь пример? Если поставить на дороге мешок с зерном, то пролетающая птица склюет только необходимое для нее, а человек унесет весь мешок, даже если он не голоден и дома у него – переполненный амбар!

А теперь слушай внимательно – будет ответ на твой вопрос. Я объясняю очень примитивным языком, потому что по-другому ты, видимо, не понимаешь!

Только очень разумный человек видит результат своих действий. Остальные – не видят! Что касается того, почему «сладкие» действия приносят «горькие» результаты и наоборот... Я уже ответил на это, но поясню еще: чтобы удовлетворить свое тело и ум, мы вынуждены присваивать и использовать то, что также приносит удовлетворение чужому телу и уму. Это вызывает негативные эмоции, которые действуют на нас. Зависть, ненависть, злоба, гнев, вожделение... Все это сопутствует успеху. И даже если ты расходуешь свои богатства на благотворительность – это спасает лишь частично... Или еще проще: твоему языку очень нравятся жареные пакоры, но если я тебе позволю ими обедаться, ты заболеешь. И наоборот: тело и ум очень не любят голод, но насколько это великолепное средство поддержания здоровья! Человек погружается в иллюзию, потому что ему нравится в иллюзии!

– И тому мяснику со свиньями нравится?! – Шанта совершенно с другой стороны взглянул на проблему.

– Несомненно. Даже навозный жук, прокладывая очередной ход в свежих испражнениях, счастлив. Ведь это его и только его выбор! Поэтому не стоит жалеть ни свинаря, ни свиней. Они, может быть, даже счастливее нас, ибо удовлетворены своей иллюзией. Не заботься о других, достигни совершенства сам! Если бы я сочувствовал окружающим, то имел бы сейчас сотни учеников, и потерял бы собственную духовную жизнь, растрачивая энергию, пытаясь рассеять их

иллюзию, вместо того, чтобы бороться со своей. Так бы я никогда не достиг Абсолюта!

– Вы уже достигли Абсолюта! – Шанта изумленно встрепенулся.

– Хм! – Муни недовольно глянул на ученика. – Нет, но я близок.

Он замолчал, явно раздосадованный.

– Пора заняться делом. Хватит болтать, пора сосредоточиться на Высшем...

– Но у меня еще один вопрос...

– Хватит. Отвечу после медитации, если он еще будет тебя волновать!

3

...Мохини весело вбежала в дом. Ей нравилось играть с Шантой, ведь она не воспринимала его всерьез. Милый юноша, чистый и смущенный... Она не чувствовала его интерес к себе. По крайней мере, сознательно. Ведь внешне Шанта был монахом-йогом, учеником известного Муни... И заподозрить его в том, что он заглядывается на женщин (да еще таких!), было бы оскорблением.

Возвращаясь к себе, Мохини задержалась в небольшой комнатке с тремя дверьми. Две шли в хозяйские комнаты, а одна в спальню Мохини. Девушка остановилась у одной из дверей и прислушалась. Там была хозяйка и три ее дочери (остальные ушли купаться), и Мохини было интересно узнать, о чем там говорят, ведь они тоже слышали и видели (в окно) приход юноши. Мохини на всякий случай хлопнула своей дверью (мол, вернулась к себе) и на цыпочках приблизилась к первой двери.

– ...Она опять успела выскочить! – старшая дочь семнадцати лет сердито надулась. – Почему нам не дают послужить этому святому? Что мы, хуже нашей Мохини?

– Кто же вам не дает? – мать усмехнулась. – Просто именно Мохини чаще бывает на кухне и, конечно, успевает первой!

– Ну и что? – сказала самая младшая и самая вредная

из присутствующих дочка. – Разве нельзя ей запретить? Сказать, кто она, и что надо уступать старшим по положению. И вообще...

– Прекрати! – прикрикнула на нее мать. – На самом деле, нашей Мохини эти встречи гораздо нужнее... Уж я-то знаю! А вам, если подумать, они совсем и ни к чему! Ведь не святому вы хотите послужить... Ну-ка признавайтесь! Так бы вы рвались, если бы пришел сам Муни?.. Да нравится просто молодой мудрец...

Девушки потупили взоры. Но потом одна, самая разумная, спросила:

– А почему Мохини нужнее?.. Встречаться.

– Да потому как Шанта, хоть и ученик святого, но сам-то из рода простых вайшьев, торговцев. Я их семью знала хорошо. Она не так давно разбогатела. А коль человек не из семьи мудреца, то какой он святой? В семье отреченного брахмана может родиться святой, но разве в семье купца родится кто-то, кроме купца? – Эти обывательские и немножко оскорбительные размышления смутили подслушивающую Мохини, но она, неожиданно для себя, очень заинтересовалась и сильнее прильнула к двери. – Так что Шанта ваш заглядывается на Мохини, как на женщину... Это я давно заметила. Зачем он ходит почти через всю деревню к нашему дому? А?

– Ну и что? Пусть на нас заглядывается... – старшей дочери давно пора было замуж.

– Э! Нет! Вы ему не пара, и ничего здесь не получится. Мы

бедны, а его землям конца-края не видно. Слышали, отец-то Шанты умер, и наш монах – единственный наследник. Заберут его от Муни! И тогда – какая он нам пара? А если останется монахом, тогда тем более! Нет, о Шанте даже не думайте!

– Но если мы ему не пара, то Мохини...

– Тут другое дело... Мохини замуж не выйдет. Сами понимаете! Но как получить ребенка без мужа? А что за женщина без сына? Кто позаботится в старости, кто поможет? Так что у Мохини есть хороший шанс получить ребенка от молодого святого, раз он на нее заглядывается, а не от какого-нибудь гуляки, что не умеет контролировать свои чувства! Ведь отец передает свои качества сыну, и чем лучше, достойнее отец, тем лучше сын. А кто лучше и чище йога, который только и занят жертвоприношениями да аскезами?! Он хранит целомудрие и строго исполняет обеты. Такой мужчина может дать великого сына. Даже сам Вьясадева появился у дочери простого рыбака, но от семени великого брахмана-мудреца Парашары.

– Будто мы не хотим хорошего сына...

– И не думайте! Вы обычные девушки и выйдете замуж за хороших парней из нашего круга. Такова наша карма. Шанта – это для Мохини хороший выход, если она сможет добиться. Ведь у нее тоже своя карма...

В комнате немного помолчали.

– На самом деле, я бы тоже хотела, чтобы у кого-нибудь

из вас был сын от брахмана, – задумчиво сказала мать, – но сейчас не старые добрые времена!..

Мохини уже не слушала. Она тихонько проскользнула в свою комнату и уселась на коврик, задумчиво подперев голову руками. Мохини принялась мечтательно разглядывать потолок. Она размышляла. То, о чем говорили хозяйка с дочерьми, очень взволновало девушку. Сейчас она понимала, что втайне – втайне даже от самой себя – она давно уже думала... нет, не думала, а... чувствовала все это. А сейчас она стала немного смелее в мыслях. Мачеха пробудила в ней эти чувства, и они оформились в размышления.

«Действительно, что ждет меня дальше? – думала Мохини. – Сейчас я молода и мое тело обеспечивает меня и даже мою старость. Ведь я не трачу заработанные деньги на ветер, как некоторые... Но что с того, даже если я буду богатой старухой?.. У меня не будет поддержки, не будет семейного тепла... Может быть, однажды я не уберегусь, и у меня появится сын. Даже наверняка... Но что это будет за сын? Разве будет он опорой и защитой? Сын от какого-нибудь сластолюбца, не удовлетворенного собственной женой и в бессилии ищущего забвения в вине и женщинах? Что это будет за сын? Благом будет убить его еще в колыбели... Или сын богатого бездельника и распутника, который уже с юности таскает свой живот далеко впереди себя... Нет, права госпожа. Такой, как я, необходим достойный сын. Даже более необходим, чем любой другой женщине. Ведь у них есть мужья...

...И сын мне нужен сейчас, пока я молода и здорова. Хоть и говорят, что качества ребенка зависят от отца, но тело зависит от матери!»

Мохини поменяла позу. Теперь она подпирала голову левой рукой, локоть которой упирался в колено. Подбородок под давлением ладони поднимался все выше, а в глазах будто бы отражалось то, о чем думала девушка. Мохини продолжала размышлять. Теперь ее мысли обратились к Шанте.

«...Но где найти достойного отца? Неужели хозяйка права, и я нравлюсь этому красивому юноше, молодому мудрецу? – Мохини игриво улыбнулась. – Неужели это так? Наверное, он мог бы стать замечательным отцом. Он молод, здоров, чист. Постоянно занят богоугодными делами, служит возвышенному йогу и обуздывает свои чувства... И красив... Нет, здесь это ни при чем! Главное, найти по-настоящему достойного мужчину. Но кто в нашем княжестве достойнее Шанты?..» И девушка снова замечталась...

4

Воздух тоже бывает неподвижным... Но когда он рванется ветром, что может удержать неуловимый поток? Струится ли медленно, или яростно набегают ураганом, ветер не остановить, раскинув руки в стороны и крикнув: «Стой!» Ум человека, все равно, что ветер...

Муни и Шанта выходили из медитации. Более или менее успешной для одного и полностью бесполезной для другого.

– Я чувствовал, что ты не сосредоточен! – Муни вопросительно взглянул на ученика. – В чем дело? Где блуждает твой ум? Какой смысл в медитации, если ум не сосредоточен на объекте. Это все равно что ловить рыбу в болоте граблями, стоя на голове! Должно соответствовать место, средства, метод, цель... У тебя правильно выбрано место, ты имеешь средства и знаешь метод, но если цель отсутствует, какой во всем этом смысл? Вот и сейчас, ты будто не слушаешь! Спал ты, что ли, во время занятия?

Шанта во время медитации успел подумать о многих вещах. Вместо того чтобы сразу сосредоточиться на Абсолюте, он начал размышлять о карме живых существ, считая, что эта тема не слишком далека от цели медитации, и мысли в этом русле помогут встать уму на верный путь. Но потом Шанта как-то замечтался и стал размышлять о деревенских жителях и вероятной их судьбе. Потом ум прыгнул еще

на какую-то тему, потоптался там и начал суживать круги, которыми он упорно ходил вокруг единственно интересного в данный момент предмета. «... Вот интересно, как проявляется карма жителей нашей деревни. Возьмем, к примеру, Горакшу... Нет, лучше Мохини...» Итак, ум как всегда успешно обманул своего хозяина, и послушный Шанта стал мечтать о Мохини. Такова была медитация юного йога. Шанту из нее вывел только окрик гуру.

– Нет, я не спал сегодня, – смущенно ответил Шанта.

– Да, ты не спал! У тебя просто была глубокая медитация... Только вот на кого?!

– Я хотел задать вопрос... И вот все думал... Он мне очень мешал!

– Да, когда ум обеспокоен, хорошей медитации получить-ся не может, но что так волновало тебя?

– Я...

– О! – Муни взглянул на солнце. – Уже время омовения.

Муни встал и направился к воде, Шанта последовал за ним. Близился вечер. Солнце удовлетворенно глядело с неба, радуясь концу еще одного трудового дня. У солнца редко бывают выходные... Вечерняя прохлада снимала усталость, а теплая вода возвращала силу, растрченную за день. Учитель и ученик совершили положенное омовение и даже с удовольствием искупались, плавая вдоль берега.

– Хорошо. Перед вечерними занятиями у нас есть еще время, так что рассказывай! – Муни посмотрел на солнце.

Оно вскоре должно было исчезнуть за горизонтом. Оставалось, наверное, пара часов до наступления темноты: она накрывала землю внезапно, буквально за несколько минут, а с заходом солнца духовные занятия было лучше прекращать. Готовились ко сну и в деревне. Слышно было мычание сытого стада: коровы медленно брели по дороге, останавливаясь у своих домов и взывая к хозяевам. Скоро по всей деревне зазвенят струйки молока: с силой вырываясь из полного вымени, оно постепенно наполнит разнообразную посуду.

В лесу стихало пение птиц, а в траве уже начиналось беспокойное движение – это ночные жители выглядывали из нор, проверяя, скрылось ли солнце. Свирепые хищники отправлялись на покой, но сменялись другими, не менее жестокими. И те, и другие изредка оглашали своими криками лес. Вдруг, видно по ошибке, заухала сова...

Шанта удивленно глянул в сторону леса и продолжил:

– ...Вот я и думаю все о ней, вместо Абсолюта! Почему так? Если я уже столько жизнью занимаюсь духовной практикой под неусыпным руководством... то почему чувства все равно подчиняют меня себе? Неужели на протяжении стольких жизней я не могу отбросить все и достичь цели? Я хочу достичь цели, и, наверное, искренне хочу, но ум обманывает меня, и я кручусь на одном месте... Почему? Ведь я уже столько жизнью занимаюсь контролем ума! Почему он остается неустойчивым? Как мне победить его? Или хотя бы усмирить?

– В каждой твоей жизни, насколько я помню, происходило одно и то же: ты привлекаешься одним и тем же, бросаешься с головой, погружаешься... А через некоторое время с отвращением выплевываешь, разочаровываешься, возвращаешься ко мне и, подгоняемый разочарованием, пытаешься чего-то достичь... Потом мы снова перевоплощаемся! Почему так происходит? Вспомни, что говорил Кришна во второй главе «Бхагавад-гиты»...

Учитель замолчал.

– Дхйайато вишайан... – Шанта наморщил лоб, пытаюсь целиком вспомнить санскритский текст.

– Да. Как только мы видим объект, которым хотим наслаждаться, будь то жареные пакоры или твоя Мохини, – Муни язвительно усмехнулся, – мы хотим немедленно получить этот объект и попытаться успокоить им чувства. Но как только мы получаем то, что хотим, мы привязываемся к этому. А если мы не получаем желаемого, то все равно развивается привязанность, которая перерастает в отчаянное желание получить объект. Но в любом случае – получил ты желаемое или нет – далее появляется гнев. Гнев из неудовлетворенного вожеления или из болезненной привязанности, которая приносит только разочарование... Гнев все равно возникает! И он подавляет разум: мы впадаем в иллюзию и теряем разум... Гнев можно подавить, но если уж он появился хотя бы единожды, после остаются его семена, найти и сжечь которые очень трудно. Поэтому йог не должен поддаваться гневу

ни при каких обстоятельствах! Если нет гнева, то разум чист, умиротворен и способен к пониманию. Если нет объекта для гнева, то нет объекта и для привязанности. Не привязываясь ни к чему, можно вырваться из этого мира, достигнув Высшего!

– Но чувства *хотят* наслаждаться объектами! Что я могу сделать?! Если я вижу пищу, я хочу ее съесть. Иначе, зачем она мне? И если я вижу красивую девушку... то...

– Ты тоже хочешь ее «съесть»! – весь этот разговор как будто забавлял Муни.

– Да... То есть, нет! Просто я не смотрю на нее как на простой камень, и возникают совсем не монашеские мысли. Получается, что я хочу...

– Начал хорошо, а сейчас ошибся!.. Не *ты* хочешь, а твои чувства и ум! Здесь большая разница. Подсознательно (а большинство людей – вполне сознательно) мы считаем себя единым целым с чувствами и умом, но то, что хорошо для них, не всегда хорошо для нас – для нас как единой Абсолютной Сущности. Необходимо оторвать себя от ума, а ум от чувств. Каждая из этих частей должна выполнять свои обязанности. Ты – как продукт и одновременно источник сознающего качества, ум – как анализатор внешней и внутренней информации и чувства, как сборщики этой информации. Если каждый выполняет действие без привязанности, то все в порядке! Единственное условие: ты должен быть выше всех составных частей себя, а точнее – составных частей не-себя.

Только в этом случае можно избежать цепочки: объект – желание – привязанность – гнев – иллюзия – затмение – разрушение... Но причиной образования этой цепочки являются не чувства, а ум. Значит, победа над ним определяет успех.

Ты видишь разницу между объектами только потому, что ее видит твой ум. Почему, собственно, ты различаешь Мохини и другой подобный объект? Например, ее бабушку? С какой, собственно, стати?

– У Мохини нет бабушки, – угрюмо заметил Шанта.

Муни закатил глаза, вздохнул и, отвесив ученику подзатыльник, с безнадежностью в голосе сказал:

– Нет, это бесполезно... – и, помолчав некоторое время, с напором и горячо продолжил. – Я объясняю уже непонятно на каком уровне! Даже полный идиот давно все понял бы! Или хотя бы начал понимать! Причем здесь бабушка или ее отсутствие?! Болван!..

Муни еще некоторое время распекал ученика, но вскоре счел, что достаточно проявил учебного гнева. На лице учителя немедленно исчезли все его признаки. Муни спокойно уселся, расположившись поудобнее, и с улыбкой сказал:

– Хорошо. Я объясню тебе на уровне ума, раз ты не желаешь или не можешь заглянуть глубже. В сущности своей, что есть твоя Мохини? Это совокупность кожи, волос, мяса, жира, крови, слизи, костей... И прочей дряни. – Шанта сморщил нос, ясно представив описываемое. Муни, довольный результатом, продолжил: – Это просто сочетание всего этого:

Мохини – кожаный мешок с разнообразным дерьмом! Так что, когда смотришь на нее, вспоминай, что она есть на самом деле! Такое объяснение тебе понятно?

Шанте стало противно. Он взглянул на свою Мохини как бы чужими глазами. Ему вдруг подумалось: «И что я нашел привлекательного в этом мешке, обтянутом кожей? Ведь она просто мешок с дерьмом, мешок с дерьмом...», – стал повторять он про себя, смакуя слова.

– Да, учитель, – сказал Шанта наконец. – Теперь мне понятно. Как только я буду видеть объект чувств, который привлекает меня, я буду вспоминать, что он есть на самом деле, и все будет в порядке!

– Если бы все было так просто, – тихо сказал Муни. – Что ж, пользуйся этим методом! Он несовершенен и дает слишком временный результат, но на большее ты, по-видимому, пока не способен. Свобода от вожделения – чрезвычайно труднодостижимая вещь. Я стремился к этой цели, наверное, не одну жизнь! А освобождение через отвращение... Оно не надежно, и может даже дать обратный результат. Рано или поздно, ты должен будешь по-настоящему оторвать свои чувства от объектов внешнего наслаждения, заменив его внутренним блаженством самоосознания, наслаждением понимания собственной абсолютной сущности. Только так можно поистине оторваться от внешнего мира и его объектов. Я достиг этого и наслаждаюсь своим внутренним миром, именно поэтому меня вряд ли может что-то привлечь извне,

в этом иллюзорном мире. Когда-нибудь и ты достигнешь этого уровня, но пока пользуйся тем, что тебе доступно...

– ...Это только мешок с дерьмом! – повторил Шанта, вроде бы не к месту.

Муни с укоризной посмотрел на ученика, опять вздохнул, повернулся к красноватому солнцу и погрузился в медитацию...

...Юноша стоял перед внутренним взором Мохини, и она с удовольствием размышляла о нем, но в то же время что-то ей не нравилось... Она никак не могла уловить что. Шанта казался идеальным кандидатом, но... И вдруг Мохини поняла в чем дело. Шанта ей нравился! И она нравилась Шанте. А это значит, во-первых, могла родиться девочка, а во-вторых, Шанта не был свободен от вожделения!

Мохини покраснела и откинулась к стене, обескураженная и смущенная собственными мыслями. Она перестала думать и «молча» уставилась в окно.

В комнате Мохини почти не было вещей. Да и зачем? Бывала она тут чаще ночью. Потому и необходима была одна лишь подстилка для сна. В углу стоял небольшой шкафчик с несколькими сари и «рабочими» украшениями. На шкафчике несколько книг (Мохини училась читать) и краски: как для лица, так и для стен. Мохини иногда любила рисовать, и серые стены в ее комнате тут и там были украшены различными рисунками, часто очень неплохими. Здесь были и Кришна с Арджуной на колеснице (Мохини срисовала эту картинку с иллюстрации из книги), и Господь Шива с грозной супругой, и красавица Шакунтала, отвергнутая собственным мужем... Мохини не знала правил и рисовала все, что ей нравилось.

Окно выходило в сад. Оно было закрыто москитной сеткой, но света проникало достаточно, особенно утром. Почти перед окном стояло могучее дерево ашока. Когда была ветреная погода, оно приятно шелестело, навевая дремоту. Но сегодня было ясно, и дерево неподвижно радовалось солнечным лучам.

Мохини отсутствующим взглядом смотрела на дерево сквозь москитную сетку. Вдруг на ветку ашоки села невзрачная птичка и радостно запрыгала. Но вот она нашла удобное место, уселась, распушилась, на секунду замерла, а потом, очевидно преодолев какие-то сомнения, решила петь. Сначала неуверенно, с перерывами, но со знанием дела, и, наконец, ее трели стали продолжительными и чистыми.

«Странно, – подумала Мохини. – Такая маленькая птичка сидит на большом дереве. Но разве священный ашока против? Возможно, он даже и не замечает ее. Но птичка обрела и защиту, и дом, и пищу...»

Где-то вдалеке мычали коровы, и слышался шум колодца, из которого кто-то поднимал воду, тихонько напевая при этом. Мохини вернулась к своим размышлениям: «Шанта, конечно, хорошо, но...»

Мохини еще раз взглянула на дерево в саду, на веселую птичку, которая, казалось, ничего не видит и не слышит из-за собственного щебета...

– А зачем ученик йога, если есть сам йог!!! – даже не сама Мохини, а словно бы кто-то другой выкрикнул вдруг. Де-

вушка с минуту не могла выдохнуть! Так поразила ее эта мысль. Но, придя в себя, Мохини стала рассуждать, преодолев сильное смущение: «Да, это лучший отец для моего ребенка из всех возможных! Он зрел, достиг совершенства в йоге, контролирует свои чувства и свободен от греховных желаний. Он может дать великого сына, который не только будет защитой своей матери, но и прославит ее! Это будет герой, подобный самому Вьясе, как сказала хозяйка...»

Мохини вскочила с места и стала ходить в маленькой комнате от стены к стене. Она начала говорить чуть ли не вслух:

– Да, нет никого лучше... Но Муни – отреченный монах, свободный от вожделения. Как я смогу заставить его дать мне сына? Соблазнится ли он моим телом или откликнется на мольбы? Наверное, мои мечты несбыточны!.. Но ведь и Вишмамитра пал перед Менакой!.. Говорится, что мужчина не может противостоять женщине, но разве это так? Что же мне делать?!

Мохини металась по комнате, но внезапно взгляд ее остановился на изображении великого Шивы.

– О Ашутоса! – взмолилась девушка, встав прямо перед изображением. – О исполняющий все желания! Смогу ли я получить достойного сына? Помоги! Ибо ты господин всех йогов, и ты лучший из йогов! Пусть Муни Бабу станет отцом моему сыну! Даже ты, свободный от всех желаний, дал миру Ганешу и Карттикею, которые стали украшением всей Вселенной... Неужели ты не поможешь бедной женщине? Я

не знаю другого прибежища... Подобно тебе, Муни не имеет ни дома, ни имущества. Он, наверное, твой верный слуга. Так пусть он поймет мое желание! Ашутоса, пожалуйста, помоги!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.